

Прощаніе съ „Вишневымъ садомъ“.

Занавѣсъ поднялся—и на насъ повѣяло ароматомъ „Вишневаго сада“. Занавѣсъ опустился подъ стукъ топора, рубившаго „Вишневый садъ“.

Какой глубокой внутренней символизмъ! Тутъ—вся наша жизнь за послѣдніе годы.

Подобно всѣмъ истинно великимъ произведеніямъ, пьеса Чехова, несмотря на свой реализмъ, на изумительное богатство характерныхъ и бытовыхъ чертъ, разбросанныхъ щедрою рукою мастера, полна истинно-проникновеннаго символизма. Это—не то „нарочитое“ (ненавижу это слово—точно капризный ребенокъ, нарочито не-

хорошо себя ведущий), схематизованное, стилизованное, чѣмъ щеголяютъ наши новаторы, красующіеся въ обноскахъ съ Запада, и что, въ концѣ концовъ, кристаллизуется въ ощущение раздражающей скуки и претенціозности. Именно потому, что она—настоящая, пьеса Чехова производитъ такое потрясающее впечатлѣніе. Вчерашній спектакль москвичей еще разъ это подтвердилъ. Каждый ищетъ въ пьесѣ свою правду, откликъ на свои переживания, и находитъ ихъ. Трофимовъ—„вѣчный студент“, больной и слабый, вѣритъ, что онъ дойдетъ къ „огромному“, ожидающему людей счастью, да еще—„въ первыхъ рядахъ“, а не онъ—такъ „*другіе дойдутъ*“. Въ этой формулѣ весь пафосъ жертвы: „Положите душу за други своя“. Аня вѣритъ, что они насадятъ новый садъ, который будетъ лучше прежняго. Ея глаза „сіяютъ какъ звѣзды“, она радостно бросаетъ свой послѣдній привѣтъ: „Прощай, старый домъ! Прощай, старая жизнь“!

И у молодежи горятъ лица, сіяютъ глаза, она тоже вѣритъ, что дойдетъ, что путь уже не такъ дологъ...

А мы—остающіеся съ Гаевымъ и Раневской, мы, которые уже не надѣемся дойти, такъ какъ времени остается не много, мы плачемъ вмѣстѣ съ ними тяжелыми осенними слезами надъ гибелью весеннихъ цвѣтовъ.

Спасибо москвичамъ, что послѣ холоднаго сѣвернаго сіянія „Росмерсгольма“ и чернаго съ кривляющимися масками кошмара „Жизни человѣка“—они озарили и согрѣли насъ немеркнущимъ свѣтомъ этой удивной пьесы въ ихъ несравненномъ исполненіи.

Когда опустился занавѣсъ, разразилась долго сдерживаемая буря восторговъ. Огромная часть публики, кѣмъ-то окрещенная „сознательной“, занявъ позицію въ проходахъ между стульями, настойчиво принялась вызывать артистовъ. Аплодисменты—настые, какіе-то особенно гулкие и дробные, сыпались „какъ дождь, зарядившій надолго“. Въ нихъ чувствовался такой подъемъ настроенія, что занавѣсъ не выдержалъ и поднялся. Артисты показались полуразгримированные. Публика восторженно аплодировала труппѣ, Станиславскому и Вл. Ив. Немировичу-Данченко, котораго разглядѣла, хотя онъ притаился въ углу ложи.

Еще разъ спасибо дорогимъ гостямъ за великое наслажденіе. До свиданія. До будущей весны.

Оптимистъ.